

РОБЕРТ
ХОЛДСТОК

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
ФАНТАСТИКИ
ЗОЛОТАЯ КОЛ
ФАНТАСТ
ЗОЛОТАЯ
ФАНТ
ЗОЛО
ФА
ЗО
Ф
З
С

ROBERT
HOLDSTOCK

MYTHAGO WOOD
LAVONDYSS

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
ФАНТАСТИКИ
КОЛЛЕКЦИЯ
АСТИКИ
ЛЕКЦИЯ
ТИКИ
ЦИЯ
КИ
И
Я
Я
Я

РОБЕРТ
ХОЛДСТОК

ЛЕС МИФАГО
ЛАВОНДИСС

Москва
2018

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
Х71

Robert Holdstock
MYTHAGO WOOD
LAVONDYSS: JOURNEY TO AN UNKNOWN REGION

Copyright © 1984 by Robert Holdstock
Copyright © 1988 by Robert Holdstock

Разработка серии *А. Саукова*
Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Холдсток, Роберт.
Х71 Лес Мифаго. Лавондисс / Роберт Холдсток ; [пер. с англ. А. Вироховского]. — Москва : Эксмо, 2018. — 592 с.

ISBN 978-5-04-093894-0

В попытках раскрыть загадку жизни своего умершего отца Джорджа Хаксли братья Кристиан и Стивен отправляются в Райхоупский лес, один из последних участков первобытного леса, покрывавшего когда-то всю Британию.

Райхоуп — таинственное место, внутри он гораздо больше, чем снаружи. В нем обитают «мифаго» — живые воплощения мифов и легенд, порожденных коллективным бессознательным человечества. Сердце Леса — Лавондисс, и к нему стремится Таллис Китон, идущая по следу первобытной магии.

Как не потеряться в этом лабиринте, где духи проникают в сны и могут свести с ума?

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-093894-0

© **А. Вироховский, перевод на русский язык, 2018**
© **Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018**

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
ФАНТАСТИКИ
КОЛЛЕКЦИЯ
АСТИКИ
ЛЕКЦИЯ
ТИКИ
И
Я
И
Я
И

ЛЕС МИФАГО

Благодарности

Я бы хотел поблагодарить Алана Скота, чей «Англо-Саксонский Словарь для Путешествующих Духов» — как будто написанный специально для меня — очень мне помог. И, конечно, я благодарен Милфорду — за энтузиазм, который вдохновил это видение.

*

Слово «Мифаго», изобретенное Джорджем Хаксли, произносится с ударением на втором слоге.

«У меня возникло чувство узнавания...
здесь что-то такое, что я знал всю жизнь,
но даже не подозревал об этом».

*Ральф Воан Уильямс,
комментируя первое знакомство
с британской народной музыкой*

Посвящение

For Sarah: cariath ganuch trymllyd bwystfil¹.

¹ Саре: с любовью от дикого зверя (*валлийский*). (Прим. перев.)

Прелюдия

Эдварду Уинн-Джонсу, эсквайру,
Оксфорд, Колледж-роуд, 15.

Эдвард!

Ты *должен* вернуться в Лодж. Пожалуйста, не откладывай ни на час! Я обнаружил четвертую дорогу в более глубокие зоны леса. Сам ручей. Путь по воде, как я раньше не догадался! Он проведет нас напрямик через вихрь внешних ясеней, за спиральную тропу и Каменный водопад. Я считаю, что через него мы сможем попасть в самое сердце леса. Но время, всегда время!

Я нашел народ, который называет себя *шамига*. Они живут за Каменным водопадом. Они стерегут броды на реке, но — к моему огромному удовлетворению — они очень любят слушать рассказчиков историй, которых называют «жизнеголосами». Эта самая жизнеголос — юная девица, раскрасившая себе лицо в зеленый цвет; она рассказывает истории, закрыв глаза, чтобы улыбки или хмурые взгляды слушателей не «изменили вид» героев. Я услышал от нее очень многое, в том числе самый важный рассказ — фрагмент того, что может быть только историей Гуивеннет. Это докельтская версия мифа, который, я убежден, имеет отношение к этой девушке. Вот что я сумел понять:

«Однажды в полдень, убив восьмирогого оленя-самца и вепря, вдвое выше человека, и исправив дурные манеры четырех крестьян, вождь *Могоч* присел отдохнуть на берегу моря. Был он мочуч в делах¹ и настолько высок, что головой касался облаков.

¹ Евангелие от Луки, 24:19. (Прим. перев.)

Он вытянул ноги над морем и положил их у подножия утесов, чтобы охладить. Потом лег на спину и стал смотреть на двух сестер, встретившихся на его животе.

Сестры были близнецами, равно прекрасными, красноречивыми и умелыми в игре на арфе. Однако одна из них, вышедшая замуж за полководца великого племени, обнаружила, что бесплодна. Ее лицо стало кислым, как молоко, слишком долго находившееся на солнце. Вторая сестра вышла замуж за изгнанного воина, которого звали *Перегу*. Лагерь Перегу располагался в глубоких ущельях и непроходимых лесах, и он приходил к своей возлюбленной по ночам в виде птицы. Она родила ребенка, девочку, но из-за изгнания Перегу ее кислотица сестра собрала армию и пришла требовать ребенка себе.

Начался великий спор, в ход пошли руки. Возлюбленная Перегу еще не успела дать девочке имя, как ее сестра выхватила крошечный сверток, закутанный в плотную ткань, и подняла его над головой, собираясь назвать ребенка сама.

Но тут небо потемнело и появились десять сорок. Это были Перегу и девять могучих воинов из его рода, измененных магией леса. Перегу бросился вниз, схватил свою дочь когтями и попытался улететь с ней, но один из стрелков выстрелил в него из рогатки, и Перегу начал падать. Он выронил девочку, но остальные птицы подхватили ее и унесли. Поэтому ее и назвали *Хурфатна*, что означает «девочка, подхваченная сороками».

Вождь Могоч с удовольствием смотрел на это представление, но почувствовал, что должен проявить почтение к мертвому Перегу. Он подобрал крошечную птицу и вернул ей человеческую форму. Но он побоялся, что уничтожит всех жителей соседней деревни, если сам выроет могилу, даже одним пальцем. Поэтому он положил мертвого ссыльного в рот и сунул его под зуб, ставший памятником смелому воину. Таким образом Перегу был похоронен под высоким белым камнем, в дышащей долине».

Нет никаких сомнений — это самая ранняя форма истории Гувеннет, и ты должен понять, почему я так возбужден. В последний раз, когда девушка была здесь, я спросил ее, почему она так печальна. Она ответила, что никак не может найти дышащую долину и блестящий камень над мертвым отцом. Она и есть Гу-

ивеннет, я знаю это, я *чувствую!* Мы должны опять призвать ее. Мы должны опять попасть за Каменный водопад, и мне нужна твоя помощь.

Кто знает, когда кончится эта война? И чем? Моего старшего сына скоро призовут, за ним последует и Стивен. И я смогу более свободно исследовать лес и общаться с девушкой.

Эдвард, ты *обязан приехать.*

С уважением,
Джордж Хаксли,
декабрь, 1941 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Лес Мифаго

Один

В мае 1944-го я получил повестку и без особой охоты отправился на войну — сначала на обучение, в Озерный Край, а потом во Францию в составе 7-й пехотной дивизии¹.

Накануне отъезда я почувствовал, что обиделся от видимого равнодушия отца к моей судьбе, и, пока он спал, неслышно подошел к его рабочему столу и вырвал лист из дневника, в котором он записывал результаты своей молчаливой упорной работы. Я много раз перечитывал этот фрагмент, датированный августом 1934 года, и каждый раз меня бесила его непонятность; но одно то, что я украл кусочек его жизни, поддерживало меня в течение долгого, наполненного болью времени.

Вначале шли горькие жалобы на различные события, отвлекающие его от главного; ему приходится заботиться об Оук Лодже², нашем семейном доме; оба сына требуют внимания, и еще трудные взаимоотношения с женой, Дженнифер³. (Кстати, насколько я помню, мама была очень сильно больна.) Фрагмент заканчивался совершенно замечательным — из-за непонятности! — пассажем:

Письмо от Уоткинса — согласен со мной, что в определенные времена года аура вокруг лесной страны распространяется далеко, вплоть до дома. Надо подумать о последствиях. Он стремится узнать силу дубового вихря,

¹ Вполне себе реально существовавшая дивизия, основанная еще герцогом Веллингтоном, но в 1939 г. она была преобразована в 6-ю пехотную. (Прим. перев.)

² *Oak Lodge* — Дубовая Хатка (англ.). (Прим. перев.)

³ Имя Jennifer происходит от корнского варианта (Jenniver) среднеанглийского имени Guinevere (вспомним королеву Гиневру), которое, в свою очередь, восходит к валлийскому имени Gwenhwyfar, что означает «белая фея» или «белый дух». Др.-валлийск. gwen «белый» + hwyfar «дух». (Прим. перев.)

которую я измерил. Что ему сказать? Конечно, не о первом мифаго. Заметил, что обогащение зоны предмифаго более постоянно, но вместе с тем отчетливо лишает меня чувства времени.

Я сохранил этот листочек бумаги по многим причинам, но главным образом ради нескольких моментов того, что по-настоящему интересовало отца, — и тем не менее смысл его был закрыт от меня, как сам отец закрыл от меня дом. Я ненавидел все, что он любил.

В начале 1945-го меня тяжело ранило, так что после окончания войны мне пришлось остаться во Франции и переехать южнее, в маленький городок, находившийся в холмах за Марселем, где я жил со старыми друзьями отца. Сухое, жаркое место — и очень, очень медленное; выздоравливая, я проводил время, сидя на главной площади, и быстро стал частью крошечной общины.

Каждый месяц этого долгого 1946 года я получал письма от моего брата Кристиана из Оук Лоджа — длинные, наполненные всякими сплетнями; однако, судя по ноткам раздражения и напряжения, его отношения с отцом быстро ухудшались. Я никогда не получал ни слова от самого старика, но и не ожидал: я давно смирился с мыслью, что он, в самом лучшем случае, смотрит на меня с полным безразличием. Семья только мешала его работе; он пренебрегал нами и требовал, чтобы мать вела свою собственную жизнь. Во время войны его страсть расцвела еще больше и превратилась в истерическое безумие, иногда по-настоящему пугающее. Однако нельзя сказать, что он все время кричал; напротив, большую часть жизни он молчал, погруженный в изучение дубового леса, граничившего с нашим домом. Поначалу мы сильно негодовали на него, но быстро научились благословлять и радостно приветствовать эти долгие периоды молчания.

В 1946-м он умер от болезни, мучившей его долгие годы. Услышав эту новость, я не знал, что мне делать: мне очень не хотелось возвращаться в Оук Лодж, стоявший на самом краю поместья Райхоуп, в Херефордшире, но я хорошо понимал страдания Кристиана. Он остался один, в доме, в котором мы вместе провели все детство. Я представлял себе, как он бродит по пустым комнатам или, возможно, сидит в промозглом кабинете отца, вспоминая часы одиночества, а также запахи дерева и земли, которые старик, вваливаясь в отделанную стеклянными панелями дверь, приносил

с собой из недельных походов в лесную страну. Лес проникал в эту комнату, как будто отец не мог находиться далеко от буйного подлеска и холодных влажных полян, окруженных дубами, даже когда замечал свою семью. Впрочем, он подтверждал это единственным способом, который знал: рассказывая нам — главным образом брату — истории из лесных стран, находившихся за домом, в основном из стран дуба, ясеня, бука и других деревьев, в черной глубине которых (как он когда-то сказал) можно было услышать диких вепрей, почувствовать их запах и увидеть их следы.

Сомневаюсь, что он хотя бы раз в жизни видел вепря, но в тот вечер я сидел в своей комнатке и сверху глядел на крошечный городок на холмах (письмо Кристиана я скомкал и держал в руке) и живо вспоминал, как слушал приглушенное ворчание какого-то лесного зверя и слышал, как какое-то массивное тело неторопливо пробирается через заросли, направляясь к извилистой тропинке, которую мы называли Глубоким Путем; завиваясь спиралью, она вела в самое сердце леса.

Я знал, что должен вернуться домой, и все-таки отложил отъезд почти на год. И вдруг Кристиан перестал писать. В последнем письме, от 10 апреля, он писал о Гуивеннет, о своей необычной свадьбе и намекал, что я буду поражен прелестной девушкой, ради которой он потерял «сердце, душу, рассудок, способность готовить, а также все остальное, Стив». Конечно, я написал, что поздравляю его, но на этом наша переписка прекратилась на несколько месяцев.

Наконец я написал ему, что возвращаюсь домой, на несколько недель остановлюсь в Оук Лодже, а потом переселюсь в один из ближайших городков. Попрощавшись с Францией, с общиной, ставшей частью моей жизни, я поехал в Англию на автобусе, потом на поезде, на пароме и опять на поезде. И вот, 20 августа, я, сидя в запряженной пони тележке, оказался на заброшенной ветке железной дороги, окружавшей огромное имение. Оук Лодж находился на его самом дальнем конце. Туда можно было доехать вдоль дороги — около четырех миль — или напрямик, через луга и леса. Я выбрал промежуточный путь и, волоча за собой единственный потрепанный чемодан, пошел вдоль заросших травой рельсов, изредка выглядывая из-за высокой стены из красного кирпича, отмечавшей границы имения, и пытаясь увидеть что-нибудь в сумраке сосновых лесов.

Вскоре стена и лесистая местность исчезли из виду, и открылись тесно прилегающие друг к другу поля, огражденные деревьями, и мне пришлось пробираться через шаткие деревянные перелазы, заросшие шиповником и густыми кустами ежевики. Я шел по частной земле — тропинке на юг, вившейся вокруг роц и ручейка, который мы называли «говорливый ручей»; она должна была привести меня к увитому плющом зданию, моему дому.

Стояло позднее очень жаркое утро, когда я наконец увидел Оук Лодж. Слева, довольно далеко, жужжал трактор. Я подумал о старом Альфонсе Джеффрисе, смотрителе всех ферм поместья, вспомнил его обветренное улыбающееся лицо и как мы сидели в его крошечной лодке и удили щук в мельничном пруду.

Воспоминание об этом спокойном пруде буквально накинuloсь на меня, я свернул с южной тропинки, продрался через заросли высокой — по пояс — крапивы, через переплетение ясеней и боярышника и оказался на берегу спокойного тенистого пруда, дальний берег которого терялся во мгле густого дубового леса. Росшие у самого берега камыши почти скрывали маленькую лодку, с которой Крис и я рыбачили много лет назад; ее белая краска почти полностью облезла, и хотя она, похоже, не протекала, я очень сомневался, что она выдержит вес взрослого человека. Решив не тревожить ее, я обошел лодку и уселся на бетонных ступеньках обвалившегося лодочного навеса; отсюда я какое-то время глядел на пруд, покрытый рябью от стремительных насекомых и случайных всплесков рыб.

— Две палочки и немного веревки... вот и все, что потребуется.

Голос Кристиана заставил меня вздрогнуть. Наверно, он прошел по тропинке из Лоджа, скрытой от меня навесом. Обрадованный, я вскочил на ноги и повернулся к нему. Увидев его, я вздрогнул, как от удара; похоже, он заметил это, хотя я широко раскинул руки и заключил его в братские медвежьи объятия.

— Я должен был опять увидеть это место, — сказал я.

— Я знаю, что ты имеешь в виду, — ответил он, когда мы разорвали объятия. — Я сам часто брожу здесь. — Наступила неловкая тишина; мы молча глядели друг на друга. Я отчетливо почувствовал, что он не рад видеть меня. — Ты выглядишь загорелым, — наконец сказал он. — И истощенным. Здоровым и больным одновременно.

— Средиземноморское солнце, сбор винограда и шрапнель. Я еще не выздоровел на сто процентов. — Я улыбнулся. — Но *как хороши* вернуться и опять увидеть тебя.